

ПУБЛИКАЦИИ О ПОКУШЕНИЯХ НА АЛЕКСАНДРА II НА СТРАНИЦАХ «ТОМСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»

Статья посвящена публикациям о покушениях на Александра II в 1866–1881 гг. в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» как провинциальном правительственном органе. Рассмотрены содержание этих публикаций, источники и формы подачи информации, реакция жителей Томской губернии на террористические акты против императора.

Ключевые слова: «Томские губернские ведомости»; Александр II; террор; сибирская периодическая печать.

История «Томских губернских ведомостей» после «дела областников» традиционно связывается с размещением в неофициальной части газеты статей краеведческого, этнографического и статистического характера секретарем томского статистического комитета князем Н.А. Костровым. Однако газета, являясь единственным местным периодическим изданием, не утратила своего общественного значения, оперативно освещая события не только городской жизни, но и внутриполитического и международного характера.

В качестве отдельной темы, которая волновала все русское общество и о которой рассказывала неофициальная часть «Томских губернских ведомостей», выполняя свою функцию местного правительственного органа, можно выделить публикации о покушениях на Александра II.

О первом из них – выстреле Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. – в Томске стало известно уже на следующий день благодаря телеграфной связи (открытой в Томске в 1863 г.). По получении этого известия в загородном собрании был произнесен тост за здоровье императора, а утром 6 апреля по окончании литургии и молебна министру внутренних дел П.А. Валуеву отправлена верноподданническая телеграмма. Об этом было напечатано в «Томских губернских ведомостях» в № 14 от 15 апреля (предыдущий выпуск был сдвоенный – № 12–13 от 25 марта – 8 апреля) на последней странице под заголовком «Извещение».

Об имени преступника и его принадлежности к «крайним социалистам» было сообщено в следующем номере (№ 15–16 от 22–29 апреля). При этом ссылка давалась не на центральные издания, а на телеграмму министра внутренних дел вятскому губернатору, опубликованную в «Вятских губернских ведомостях». Это сообщение было подано как новость на первой странице неофициальной части.

В дальнейшем тема получила освещение на основе перепечаток из официальной «Северной почты». Читатель подробно информировался об обстоятельствах покушения, чувствах радости жителей Петербурга по поводу чудесного спасения императора, личности крестьянина Осипа Комиссарова, отведшего в сторону руку стрелявшего (№ 18, 13 мая; статья занимала 1 ¹/₃ газетного листа).

Все прошедшие события в зарифмованной форме пересказывались в стихотворении Н.П. Жандра «4 апреля 1866 г.» (№ 19, 20 мая; ³/₄ листа). Но самая большая по объему публикация (2 ¹/₄ листа) была озаглавлена «О преступнике Каракозове и его сообщниках» (№ 35, 9 сентября; № 36, 16 сентября).

Из статьи, также перепечатанной из «Северной почты», можно было узнать о революционной группе

«Ад», о цели неудавшегося цареубийства («произвести общее волнение и революцию в государстве»), о существовании в Петербурге и Москве социалистических кружков и разногласиях между ними, о планах освобождения Н.Г. Чернышевского из сибирской ссылки, о попытках устройства рабочих коммун, о готовящемся «хождении в народ», об общенародном характере земельной собственности при социализме, о связи русских социалистов с польскими повстанцами и с другими «вредными деятелями» – «учредителями различных неразрешенных правительством обществ, бесплатных школ, читален, артелей и т.п. ассоциаций».

Нельзя дать оценку событию, не рассказывая о нем. В результате у провинциального обывателя, не имевшего других источников информации, создавалась картина широкого и опасного заговора против монархии (чем и воспользовалось правительство для проведения арестов неугодных лиц и усиления «охранительных» начал).

Для читателя же, умеющего читать между строк и пропускающего вполне понятные оценочные суждения о первом русском террористе («злодей», «зловредные учения социализма и т.п.), статья представляла собой «политинформацию» о ходе «освободительной борьбы» с самодержавием.

Видимо, ситуация невозможности и неслышанности происшедшего (русский дворянин, не поляк, стреляет в Петербурге в царя-реформатора, царя-освободителя) требовала подробного рассмотрения личности этого молодого человека и среды, его породившей.

В результате следствие, квалифицировав покушение Каракозова как преступление и доказавшее отсутствие смягчающих вину обстоятельств, так и не вскрыло причины его, упомянув только, что продолжительность и последовательность действий злоумышленника «исключает всякую возможность приписывать действия сии ненормальному состоянию умственных способностей». Приговор суда по делу Каракозова был опубликован в № 37 от 23 сентября.

Так, в 1866 г. в связи с экстраординарным происшествием на страницах неофициальной части «Томских губернских ведомостей» впервые появились статьи, не «относящиеся до местности», но освещающие политические события общероссийского характера. Поставщиком информации, комментариев и соответствующих настроению власти оценок стала открытая в 1862 г. П.А. Валуевым умеренно-либеральная «Северная почта» (в 1869 г. реорганизованная в «Правительственный вестник»).

Начало издания «Северной почты» сопровождал циркуляр Министерства внутренних дел, допускающий перепечатку из нее статей в неофициальной части губернских ведомостей, «имеющих особое руководящее

или пояснительное значение». В 1863 г. было разрешено перепечатывать из официальных изданий «политические известия», «правительственные распоряжения» и «руководящие статьи по предметам внешней политики и внутреннего управления». Хотя это узаконение «в виде опыта» касалось только Костромской, Саратовской, Тамбовской, Курской и Черниговской губерний, но, по видимому, было распространено на все местные официальные издания. Заимствование статей из головного органа избавляло их от повторного просмотра на местах. Предусматривалось лишь «наблюдение» за такими перепечатками со стороны вице-губернатора [1. № 40271].

После дела о «сибирских сепаратистах» от томских ведомостей невозможно было ожидать чего-то большего, кроме перепечаток из центральной газеты. Хотя развернуть тему покушения в отношении Сибири было можно – Осип Комиссаров, пожалованный потомственным дворянством, был сыном сибиряка (правда «по неволе») – И.А. Комиссарова, немедленно освобожденного из ссылки в Енисейской губернии и чествованного в Красноярске как «отец спасителя государя».

По поводу происшествия не менее верноподданнические, но более талантливые стихи написал Н.А. Некрасов, который в Томске был известен гораздо более, чем Н.П. Жандр. Хотя, возможно именно необходимость подбора и редактирования такого рода материалов стала причиной замены редактора неофициальной части газеты А.Р. Николаева (временно занявшего этот пост после ареста Д.Л. Кузнецова и совмещавшего его с другими должностями) Н.И. Стефановым. Он стал редактором неофициальной части газеты с № 12–13, вышедшего 8 апреля 1866 г.

Н.И. Стефанов был назначен редактором, начальником газетного стола и смотрителем типографии губернского правления 14 февраля 1864 г. Однако редактором неофициальной части газеты до апреля продолжал оставаться Д.Л. Кузнецов. В предыдущий период эти должности также не совмещались. Например, М.С. Праволамский был первым начальником газетного стола, смотрителем типографии и редактором ведомостей, а неофициальная часть газеты находилась в ведении Ф.С. Мещерина. Н.И. Стефанов стал первым, кто исполнял и должность смотрителя типографии, и редактора как официальной, так и неофициальной частей.

Ко дню спасения жизни государя «Томские губернские ведомости» обращались еще неоднократно. Об открытии в начале 1867 г. на средства купца И.А. Толкачева церкви в Мариинской женской гимназии статью написал новый редактор Н.И. Стефанов, который не пожалел хвалебных слов в адрес жертвователя и его супруги – попечительницы гимназии. В благочестивом жанре, соответствующем должности, расставил приоритеты между духовным и светским началами в образовании отец законоучитель Вакх Гуреев: «...никакие учебные пособия, никакие библиотеки, ученые кабинеты и другие образовательные и воспитательные средства и способы не могут иметь такого великого значения и влияния в учебном заведении, как Храм Божий...» (1867, № 2).

Такой нарочитый клерикализм вполне отвечал представлениям общества о вмешательстве божественного провидения в судьбу начатых в стране реформ,

тем более если учитывать, что Закон Божий был среди первых предметов в системе русского образования.

Сам «знаменательный день 4 апреля» также праздновался в Томске и сопровождался сбором пожертвований в пользу бедных (1867, № 15). Автором заметки, помещенной на последней странице ведомостей, был И.Ф. Русанов, редактировавший неофициальную часть газеты в 1862 г. Еще через год в 1868 г. было сообщено об открытии богадельни в селе Назаровском Ачинского округа Енисейской губернии, в которой в столовой комнате был повешен портрет Комиссарова-Костромского (1868, № 17).

Повод для новых тревожных публикаций появился очень скоро. 25 мая 1867 г. польский эмигрант Антон Березовский стрелял в Александра II во время его визита в Париж, на Всемирную выставку.

27 мая в 13.30 председатель томского губернского правления М.Н. Берестов получил соответствующую телеграмму министра внутренних дел, которая была немедленно напечатана в особом прибавлении к № 20 томских ведомостей от 26 мая.

В следующем номере от 2 июня газета вновь писала о торжественных богослужениях о здравии монарха в церквях всех вероисповеданий, об атмосфере праздника, в которую погрузился город и о посланных в столицу об этом телеграммах.

Никаких подробностей о покушении на этот раз не сообщалось, только спустя два месяца в № 29 от 28 июля из № 143 «Северной почты» был перепечатан текст о предании Березовского суду, из которого ясны были мотивы его поступка. Об окончании процесса и о приговоре сообщалось в № 146 «Северной почты», но в томскую газету эта информация не попала.

Возможно, что в сравнении с аналогичным делом Каракозова наказание было слишком мягким – с учетом «облегчительных обстоятельств» Березовский был приговорен к пожизненной каторжной работе в Новой Каледонии.

В память об этом событии в Барнауле 26 июня 1868 г. была заложена часовня (1868, № 39). На церемонии присутствовал находившийся в городе великий князь Владимир Александрович. В № 32 от 12 августа 1872 г. по этому поводу были напечатаны стихи горного инженера и поэта А.Н. Таскина.

Третье покушение на императора, когда 2 апреля 1879 г. в него стрелял А.К. Соловьев, уже не было оформлено в виде экстренной новости. В № 16 от 28 апреля 1879 г. лишь указывалось, что «в ознаменование дня чудесного спасения жизни его величества» жители Бийска открыли подписку на строительство церкви Александра Невского и на устройство городского, вместо существующего приходского, училища (1879, № 16).

О попытке взрыва императорского царского поезда 19 ноября 1879 г. и о взрыве в Зимнем дворце 12 февраля 1880 г. в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» также не говорилось ничего. В № 7 от 14 февраля 1881 г. лишь вновь сообщалось о благотворительной акции, приуроченной к известию о сохранении «священной жизни государя» – учреждении ежегодного сбора в пользу раненых и больных воинов в 2 коп. с души крестьянами г. Ануйска (1881, № 7).

Через месяц в официальной части № 11 от 15 марта 1881 г. было опубликовано распоряжение о создании 12 февраля Верховной распорядительной комиссии по сохранению государственного порядка и общественного спокойствия.

Покушение на императора из события экстраординарного превращалось в обыденное, едва ли не рутинное. Чудесное спасение уже не воспринималось и не отмечалось как всенародный праздник, о котором можно было подготовить восторженный материал и объявить о благотворительной подписке. Когда на жизнь государя посягали террористы-одиночки, их действия можно было объяснить фанатизмом или мстью со стороны поляков, но вызов со стороны идейной организации, возможности которой подтверждались дерзостью покушений и еще более преувеличивались слухами, повлек за собой не только туманные объяснения о «заблуждающейся молодежи», но и ограничение информации из центра событий. Местным властям предписывалось ужесточить цензурный контроль, чтобы «издаваемые в губернии газеты не печатали никаких известий и рассуждений относительно чрезвычайных событий (покушений на императора, аресте террористов и пр.) и ограничивались только перепечатками из “Правительственного вестника”».

О финале «охоты на царя» узнаем из официальной части № 10 от 7 марта 1881 г., вышедшего в черной траурной рамке, где на первой странице приводились телеграммы Министерства внутренних дел томскому губернатору.

Более подробно о произошедших событиях сообщалось только через месяц: в неофициальной части № 14 от 4 апреля 1881 г. в рубрике «Сведения из газет» содержалась корреспонденция «Московских ведомостей» о самом теракте, присяге Александру III и панихиде в Исаакиевском соборе.

В последующих № 15–21, в той же рубрике, приводились рассказ (по сути интервью с места событий) полицмейстера А.И. Дворжицкого, описание церемонии прощания с императором, казни народовольцев. Местных материалов не было.

Тональность публикаций подчеркивала всеобщую скорбь и негодование по поводу случившегося. Особенно трогателен рассказ «Петербургского листка» о возложении венка на грудь «Отца и Благодетеля» прибывшими в Петербург крестьянами (1881, № 16). Разговорный стиль, как результат записи беседы с участником депутации, придавал статье более естественный, доверительный и эмоциональный характер: «Тут я уж и помню то мало (на глазах рассказчика снова выступили слезы): пали мы все на колени и зарыдали... Сдвинул те венки поближе к ногам, а мужицкий то, мужицкий то веночек прямо к нему на сердце. Как то есть были мы у него на сердце целую жизнь, так и после смерти наша благодарность легла к нему на мученическую грудь. И так это нас тронуло, что мы опять заплакали... И лежит наш Царь-Мученик в гробу с кротким и любящим лицом, точно заснул он Батюшка. Образ Спасителя в руках у Него, цветы вокруг головы, и столько благодати на Его лице, столько доброты и любви, что будь каменное сердце, и то дрогнуло бы при виде этого мученика».

Однако за прошедшие с первого покушения 15 лет русское общество и печать изменились. Даже в провинциальной официальной газете религиозный монархический пафос соседствовал с натуралистическими описаниями телесных повреждений и физического угасания императора, который предстал не как «Венценосный Вождь», а как обычный человек, испытывавший в последние минуты своей жизни нестерпимую боль и мучительные страдания: «...государь терял сознание, от потери крови, которая сочилась из оборванных мускулов обеих голеней. Эти мускулы и составляли единственную связь между ступою и коленями обеих ног, ибо кости голени были раздроблены и вышиблены взрывом» («Санкт-Петербургские ведомости»); «Ноги его величества ниже колен были раздроблены. Не было ни брюк, ни сапог, ни кальсон, а виделась окровавленная масса, состоящая из мяса, кожи и костей. Кровь лилась страшно» («Петербургский листок»); «В семь часов утра [перед погребением] придворный фотограф С.Л. Левицкий, пользуясь великолепным утренним освещением, сделал вполне удавшийся негатив» («Голос»). Наконец, в завершении приводился «План места, где смертельно ранен государь-император» (1881, № 15).

Описание сцены казни народовольцев также было выполнено в стилистике зрелища, развертывающегося во времени шаг за шагом, с участием солдат, палачей, священников, народа и самих осужденных, с вниманием к их поведению и внутреннему состоянию в ходе исполнения приговора (1881, № 18). Правда управляющий казенной палатой М.А. Гиляров, исполнявший функции цензора вместо отсутствующего губернатора В.И. Мерцалова, вычеркнул те абзацы ($\frac{1}{5}$ статьи), в которых осужденные на казнь описывались как активные персонажи и еще живые люди, смотревшие по сторонам, переговаривающиеся, улыбающиеся и бодро входящие на эшафот. Вот Рысаков «что-то заговорил, но барабанный бой прервал его речь», Михайлов «поспешил сам оттолкнуть скамейку и тяжестью своего тела вырвал веревку из рук палача». Героизация поведения царевубийц, допущенная в центральных газетах, показалась Гилярову чрезмерной.

«Печать всю, и столичную и местную, кроме катковских «Ведомостей», он считал излишнею и вредною», – такую характеристику о Гилярове оставил Е.В. Корш в воспоминаниях «Восемь лет в Сибири» [2].

«Сибирской газете», по совпадению начавшей издаваться с 1 марта 1881 г., также досталось от временно исполнявшего обязанности цензора. Необходимо отметить, что в «Сибирской газете» события, произошедшие на набережной Екатерининского канала, также освещались на основании официальных телеграмм и перепечаток, но более подробно, с рассказами очевидцев, врачей, детализацией всех обстоятельств подготовки и совершения покушения, включая способ устройства бомбы (1881, № 2–9). Суд над народовольцами также занимал значительное место (1881, № 10–17).

Знакомство с показаниями обвиняемых могло вполне вызвать сочувствие террористам и их идеям, но «Сибирская газета» ничего не прибавляла от себя, публикуя пропущенные цензурой статьи «Правительственного вестника» и «Порядка». Вряд ли газета, с ее первоначальным редакционным составом, бросала тем самым скрытый вызов властям: «В этом молчании выразилось и сочувст-

вие единомышленникам, и осуждение правительства, и приверженность традициям революционно-демократической прессы» [3. С. 74]. К тому же на второй странице № 2 от 8 марта 1881 г. находим вполне определенный комментарий к рубрике «Телеграммы «Сибирской газеты»: «Факты, сообщенные в вышеприведенных телеграммах, говорят сами за себя. Волнующие общество чувства вылились в составленном, под первыми же впечатлениями, адресе Томской городской думы государю-императору. Подавленные мас-

сой разнообразных впечатлений, мы ограничимся в настоящее время приведением этого адреса» (далее следует текст адреса).

Так, пореформенным журналистским сообществом не только удовлетворялся понятный обывательский интерес к такого рода подробностям, но и формировались определенные вкусы и ожидания от газетного текста как предоставляющего возможность стать очевидцем и наблюдателем драматической и «царапающей» восприятие картины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е.* СПб., 1866. Т. 38.
2. *Кори Е.В.* Восемь лет в Сибири // *Исторический вестник.* 1910. Т. 120, № 5. С. 423–449.
3. *Роцевская Л.П.* Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Л., 1983.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 января 2010 г.